

Василевская Татьяна

Дом у скалы. Ангел, который меня оберегает

```
(SPR_PISF:32769,7,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PISTOLFLASH
(SPR_SHTG:0,1,(A_WeaponReady),S_SGUN,0,0), // S_SGUN
(SPR_SHTG:0,1,(A_Lower),S_SGUNDOWN,0,0), // S_SGUNDOWN
(SPR_SHTG:0,1,(A_Raise),S_SGUNUP,0,0), // S_SGUNUP
(SPR_SHTG:0,3,(INULL),S_SGUN2,0,0), // S_SGUN1
(SPR_SHTG:0,7,(A_FireShotgun),S_SGUN3,0,0), // S_SGUN2
(SPR_SHTG:1,5,(INULL),S_SGUN4,0,0), // S_SGUN3
(SPR_SHTG:2,5,(INULL),S_SGUN5,0,0), // S_SGUN4
(SPR_SHTG:3,4,(INULL),S_SGUN6,0,0), // S_SGUN5
(SPR_SHTG:2,5,(INULL),S_SGUN7,0,0), // S_SGUN6
(SPR_SHTG:1,5,(INULL),S_SGUN8,0,0), // S_SGUN7
(SPR_SHTG:0,3,(INULL),S_SGUN9,0,0), // S_SGUN8
(SPR_SHTG:0,7,(A_ReFire),S_SGUN,0,0), // S_SGUN9
(SPR_SHTF:32768,4,(A_Light1),S_SGUNFLASH2,0,0), // S_SGUNFLASH1
(SPR_SHTF:32769,3,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_SGUNFLASH2
(SPR_SHT2:0,1,(A_WeaponReady),S_DSGUN,0,0), // S_DSGUN
(SPR_SHT2:0,1,(A_Lower),S_DSGUNDOWN,0,0), // S_DSGUNDOWN
(SPR_SHT2:0,1,(A_Raise),S_DSGUNUP,0,0), // S_DSGUNUP
(SPR_SHT2:0,3,(INULL),S_DSGUN2,0,0), // S_DSGUN1
(SPR_SHT2:0,7,(A_FireShotgun2),S_DSGUN3,0,0), // S_DSGUN2
(SPR_SHT2:1,7,(INULL),S_DSGUN4,0,0), // S_DSGUN3
(SPR_SHT2:2,7,(A_CheckReload),S_DSGUN5,0,0), // S_DSGUN4
(SPR_SHT2:3,7,(A_OpenShotgun2),S_DSGUN6,0,0), // S_DSGUN5
(SPR_SHT2:4,7,(INULL),S_DSGUN7,0,0), // S_DSGUN6
(SPR_SHT2:5,7,(A_LoadShotgun2),S_DSGUN8,0,0), // S_DSGUN7
(SPR_SHT2:6,6,(INULL),S_DSGUN9,0,0), // S_DSGUN8
(SPR_SHT2:7,6,(A_CloseShotgun2),S_DSGUN10,0,0), // S_DSGUN9
(SPR_SHT2:0,5,(A_ReFire),S_DSGUN,0,0), // S_DSGUN10
(SPR_SHT2:1,7,(INULL),S_DSNR2,0,0), // S_DSNR1
(SPR_SHT2:0,3,(INULL),S_DSGUNDOWN,0,0), // S_DSNR2
(SPR_SHT2:32776,5,(A_Light1),S_DSGUNFLASH2,0,0), // S_DSGUNFLASH1
(SPR_SHT2:32777,4,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_DSGUNFLASH2
(SPR_CHGG:0,1,(A_WeaponReady),S_CHAIN,0,0), // S_CHAIN
(SPR_CHGG:0,1,(A_Lower),S_CHAINDOWN,0,0), // S_CHAINDOWN
(SPR_CHGG:0,1,(A_Raise),S_CHAINUP,0,0), // S_CHAINUP
(SPR_CHGG:0,4,(A_FireCGun),S_CHAIN2,0,0), // S_CHAIN1
(SPR_CHGG:1,4,(A_FireCGun),S_CHAIN3,0,0), // S_CHAIN2
(SPR_CHGG:1,0,(A_ReFire),S_CHAIN,0,0), // S_CHAIN3
(SPR_CHGF:32769,5,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_CHAINFLASH1
(SPR_CHGF:32769,5,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_CHAINFLASH2
(SPR_MISG:0,1,(A_WeaponReady),S_MISSILE,0,0), // S_MISSILE
(SPR_MISG:0,1,(A_Lower),S_MISSILEDOWN,0,0), // S_MISSILEDOWN
(SPR_MISG:0,1,(A_Raise),S_MISSILEUP,0,0), // S_MISSILEUP
(SPR_MISG:1,0,(A_GunFlash),S_MISSILE2,0,0), // S_MISSILE1
(SPR_MISG:1,12,(A_FireMissile),S_MISSILE3,0,0), // S_MISSILE2
(SPR_MISG:1,0,(A_ReFire),S_MISSILE,0,0), // S_MISSILE3
(SPR_MISF:32768,3,(A_Light1),S_MISSILEFLASH2,0,0), // S_MISSILEFLASH1
(SPR_MISF:32769,4,(INULL),S_MISSILEFLASH3,0,0), // S_MISSILEFLASH2
(SPR_MISF:32770,4,(A_Light2),S_MISSILEFLASH4,0,0), // S_MISSILEFLASH3
(SPR_MISF:32771,4,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_MISSILEFLASH4
(SPR_SAWG:2,4,(A_WeaponReady),S_SAWB,0,0), // S_SAW
(SPR_SAWG:3,4,(A_WeaponReady),S_SAW,0,0), // S_SAWB
(SPR_SAWG:2,1,(A_Lower),S_SAWDOWN,0,0), // S_SAWDOWN
(SPR_SAWG:2,1,(A_Raise),S_SAWUP,0,0), // S_SAWUP
(SPR_SAWG:0,4,(A_Saw),S_SAW2,0,0), // S_SAW1
(SPR_SAWG:1,4,(A_Saw),S_SAW3,0,0), // S_SAW2
(SPR_SAWG:1,0,(A_ReFire),S_SAW,0,0), // S_SAW3
(SPR_PLSS:0,1,(A_WeaponReady),S_PLASMA,0,0), // S_PLASMA
(SPR_PLSS:0,1,(A_Lower),S_PLASMDOWN,0,0), // S_PLASMDOWN
(SPR_PLSS:0,1,(A_Raise),S_PLASMAUP,0,0), // S_PLASMAUP
(SPR_PLSS:0,3,(A_FirePlasma),S_PLASMA2,0,0), // S_PLASMA1
(SPR_PLSS:1,20,(A_ReFire),S_PLASMA,0,0), // S_PLASMA2
(SPR_PLSF:32768,4,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PLASMAFLASH1
(SPR_PLSF:32769,4,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PLASMAFLASH2
(SPR_BFGG:0,1,(A_WeaponReady),S_BFG,0,0), // S_BFG
(SPR_BFGG:0,1,(A_Lower),S_BFGDOWN,0,0), // S_BFGDOWN
(SPR_BFGG:0,1,(A_Raise),S_BFGUP,0,0), // S_BFGUP
(SPR_BFGG:0,20,(A_BFGsound),S_BFG2,0,0), // S_BFG1
(SPR_BFGG:1,10,(A_GunFlash),S_BFG3,0,0), // S_BFG2
(SPR_BFGG:1,10,(A_FireBFG),S_BFG4,0,0), // S_BFG3
(SPR_BFGG:1,20,(A_ReFire),S_BFG,0,0), // S_BFG4
(SPR_BFGF:32768,11,(A_Light1),S_BFGFLASH2,0,0), // S_BFGFLASH1
(SPR_BFGF:32769,6,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_BFGFLASH2
```

Татьяна Василевская

**Дом у скалы. Ангел,
который меня оберегает**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Василевская Т. М.

Дом у скалы. Ангел, который меня оберегает /
Т. М. Василевская — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Авария на дороге, несостоявшаяся помолвка, большой дом в подмосковном поселке, принадлежавший когда-то скандально известному бизнесмену, по слухам тесно связанному с криминалом, в котором теперь проживает милая, интеллигентная женщина с детьми. Труп мужчины, найденный возле заброшенной фермы, расположенной неподалеку от этого дома. Как связаны между собой все эти обстоятельства? И есть ли между ними связь? Собрать отдельные кусочки воедино и отбросить лишнее предстоит следователям, ведущим дело об убийстве. Детективная линия сюжета тесно переплетается с рассказом о взаимоотношениях, судьбе и характерах героев.

© Василевская Т. М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Василевская

Дом у скалы. Ангел, который меня оберегает

«Я успел усвоить, что ангелы бывают очень разными...»
Сериял «Салем»

Глава 1

Темное пятно на светло бежевой ткани плаща становилось все больше. Кровь из раны на голове сочилась медленно, тоненькой струйкой, стекая на ткань. Глаза мужчины были мутными, казалось, он уже не осознает, что происходит. Мужчина умирал. Ничего нельзя было поделать. Оставалось только дожидаться приезда скорой и полиции.

– Не волнуйтесь. Скоро приедет доктор, – хоть как-то попытался успокоить и обнадежить умирающего человека Петер.

Как только он услышал впереди звук удара, сразу понял, что произошла авария. Страшная. Удар металла о металл, прозвучал как взрыв, разорвав тишину, царившую на дороге, ведущей в пригород. Ясно было, что пострадали, а скорее всего, погибли все участники аварии. Через минуту Петер подъехал к месту происшествия. Почти поперек пустой дороги стояли искореженные останки двух автомобилей. Петер вышел из машины и заглянул в кабину одного из них. Человек, сидящий за рулем, был мертв. Широко открытые глаза неподвижно уставились вверх, шея неестественно запрокинута назад. Петер подошел к другой машине. Водитель боком полулежал на руле. Голова залита кровью. Но Петеру показалось, что он чуть заметно шевельнулся.

– Вы живы? – не зная, что еще сказать спросил Петер. Водитель не ответил, но Петер уловил слабый стон. – Я помогу Вам. Потерпите. Я уже вызвал врача.

Он попытался открыть дверь. От удара замок заклинило. Петер сбегал к своей машине, достал ломик. С трудом, ему все же удалось открыть ее.

– Потерпите, – повторил он, пытаясь извлечь изуродованное тело из машины. Раненый застонал.

Петер уложил пострадавшего на дорогу, подложив под голову свой плащ. Человек умирает, бог с ним, с плащом.

– Сейчас приедет доктор. Все будет хорошо, – зная, что говорит неправду, пообещал он.

Мужчина захрипел, и, разлепив спекшиеся от крови губы, что-то прошептал. Петер наклонился к нему. Он с трудом разбирал слова, но мужчина повторил одно и то же несколько раз, так что, в конце концов, он понял, что тот хочет сказать.

– Пообещай... – еле слышно прошептал мужчина.

– Конечно-конечно. Я все сделаю, обещаю. Не переживайте. Поберегите силы... – попытался успокоить его Петер.

– Там... – мужчина скосил глаза в сторону своей машины. – Там...

Видя, что он не успокоится, пока Петер не исполнит его просьбу, он поднялся и пошел к машине. Когда он вернулся, человек был уже мертв. Петер перекрестился и прошептал несколько слов молитвы. Он не был слишком набожен, но, когда смерть взмахивает своим крылом в непосредственной близости, и ты практически стал свидетелем того как жизнь покидает тело, поневоле вспомнишь о боге. Через несколько минут подъехали скорая и полиция.

– Вы видели, как все произошло? – кивнув на разбитые машины, спросил полицейский. Петер покачал головой.

– Нет, я был примерно в километре отсюда. – Он махнул рукой за поворот дороги. – Я услышал звук и сразу понял, что произошла авария.

Полицейский сочувствующе посмотрел на него.

– Не переживайте. Вы ничем не могли помочь. Вы сделали все, что могли.

Петер кивнул. Вероятно, инспектор прав. Просто, он расстроен. Как был бы расстроен любой нормальный человек, ставший свидетелем трагедии.

– Вам нужно подписать протокол. Такие правила, – полицейский показал пальцем, где нужно поставить подпись. – Подпись и расшифровка. Благодарю. Вы сами доедете? Все нормально?

– Да, конечно. Со мной все в порядке, – сказал Петер.

* * *

Зал наполняли нежные звуки индейской музыки. Перекатывающаяся через темные гладкие камни стремительная вода реки, шелест листьев, дуновение ветра, вскрики птиц, умиротворение и застывшее величие прекрасных, не тронутых человеком, долин, окруженных заснеженными каменными глыбами, горящий в ночи костер, неясные шорохи, ворчание диких зверей в зарослях – все было в этой завораживающей, печальной, тревожащей душу мелодии.

Кроме музыкантов, в зале были только двое «гостей» – на сегодняшний вечер ресторан был закрыт для других посетителей.

Мужчина тяжелым немигающим взглядом смотрел на свою спутницу.

– Нет, – сказала женщина.

Глаза мужчины, на долю секунды сузились, сверкнув, из образовавшихся щелочек, недобрый блеском. Посидев еще несколько секунд, он встал.

– Дура! – бросил он. Посмотрев, на лежащий перед ней бархатный футляр, он секунду помедлил, как бы раздумывая. Затем взял коробочку и небрежно засунул в карман. На губах его появилась презрительная улыбка. Женщина немного печально посмотрела на него. Не говоря больше ни слова, мужчина пошел по направлению к выходу из зала. Дойдя до музыкантов, одетых в национальные индейские костюмы, и подозрительно смахивающих на настоящих индейцев, а не казахов, калмыков или других представителей монголоидной расы, мужчина выхватил у одного из них инструмент, похожий на малюсенькую гитару, и с размаха шарахнул им об стену. Раздался треск разлетающегося в щепки сухого дерева, жалобно пискнули струны. Музыканты перестали играть и застыли, удивленно глядя темными печальными глазами на явно сошедшего с ума посетителя ресторана. Испуганный владелец разбитого инструмента, часто моргая, с ужасом и не пониманием смотрел на то, что от него осталось и на того, кто совершил это страшное злодеяние. Отшвырнув в сторону обломок крошечной деки, мужчина прорычал:

– Чего замерли?! Дама желает музыки.

Музыканты поспешно заиграли. Мужчина, порывшись в карманах, достал несколько мятых купюр и сунул их в руку, продолжавшего стоять в удивленном оцепенении музыканта, лишившегося инструмента.

– Купишь себе новую мандалину, – бросил он.

* * *

Выйдя из ресторана, мужчина подошел к ожидающемуся напротив входа лимузину и приказал:

– Поехали, дама не пожелала ехать. Не любит лимузинов. – Он хрипло рассмеялся и бросил злой взгляд на дверь ресторана: «Сука!»

Достав из кармана бархатную коробочку, он открыл ее и несколько секунд неподвижно рассматривал кольцо, наблюдая за игрой света в гранях большого бриллианта. Захлопнув футляр, снова сунул его в карман. Он еще не решил, что сделает с кольцом. Может, сдаст обратно, в ювелирный, то-то они обрадуются, а может, подарит какой-нибудь из своих девок. Та, что лучше расстареется, получит кусок углерода в четыре карата. Мужчина злобно ухмыльнулся.

Заметив, «неприятное недоразумение», метрдотель, срочно отправил к столику, за которым в одиночестве продолжала сидеть дама, официанта. Недоразумение недоразумением, а вечер оплачен, причем весьма щедро. И клиент, оплативший его, из тех, кто в случае чего, всему персоналу шеи посворачивает, если, что-то будет не так. Неслышно подойдя к столику, официант замер с бесстрастным лицом, всем своим видом давая понять, что готов исполнить любое пожелание. Женщина, мельком взглянув на него, приподняла свой бокал. Вышколенный гарсон, мигом наполнил его и, выждав несколько секунд, не пожелает ли гостя еще чего-нибудь, незаметно испарился.

Женщина задумчиво потягивала вино. Терпкое, необыкновенно приятное на вкус. «Интересно, сколько стоит бутылка?» – насмешливо подумала она. Все вышло ужасно глупо, и теперь уже ничего не поделаешь. Было грустно, как бывает от сознания безвозвратной потери чего-то важного, и одновременного понимания того, что по-другому не могло быть. Зачем он сделал это дурацкое предложение? Что за блажь? Если бы он просто предложил переспать с ним, возможно, она бы и согласилась. Хотя, вряд ли. Но замуж?! Нет. Превратить свою жизнь в ад, пусть и в золотой клетке, у нее нет ни какого желания. Допив вино, она поднялась. Подлетел метрдотель, подавая ей ее накидку.

– Благодарю. Полагаю, счет оплачен? – на всякий случай, поинтересовалась она.

Метрдотель слегка поклонился.

– Разумеется, – бархатным голосом почтительно ответил он. – Надеюсь, Вы довольны... едой.

– Да, спасибо. Все очень вкусно.

Метрдотель расплылся в ненатурально-счастливой улыбке.

Проходя мимо, продолжавших играть музыкантов, она остановилась.

– Извините, что так вышло... – сказала она. Меднокожие исполнители кивнули, то ли принимая извинения, то ли просто в знак почтения. – Музыка чудесная! Спасибо.

Музыканты снова кивнули. Она не была уверена, что они понимают русский, но музыка и впрямь была потрясающей. Она обожала звучание индейской флейты. Видимо, она как-то обмолвилась об этом, и мужчина, пригласивший ее на ужин, запомнил, поэтому и нанял их. Уж что-что, а удивлять и преподносить сюрпризы он умеет. Кивнув музыкантам, она вышла из зала, вслед ей пела печальная, рвущая душу волшебная сампони.

Глава 2

Почему дом назывался «Дом у скалы» никто из местных не знал. Никаких скал в подмосковном поселке, естественно, не было. Но такое название дал ему бывший владелец. Постепенно жители поселка переименовали дом в «Стеклянный», что вполне соответствовало внешнему облику – большая часть стен представляла собой огромные окна, лишь местами стекло соседствовало с мрачным гранитом. Скандинавский стиль. Прямые линии, скупой, лишенный каких-либо излишеств дизайн.

Дом располагался в стороне и от старой части поселка, занимаемой «старожилами», то есть «деревенскими», теми, кто в большинстве своем жил чуть выше уровня бедности, и, несмотря на все усилия, так и не дотягивал до среднего класса. И от домов, построенных недавно и принадлежавших людям состоятельным, сумевшим не только дотянуться, но и переплюнуть этот самый средний класс, обосновавшимся в этих краях всего несколько лет назад. Причем «богатая» часть поселка была застроена не типовыми, кричащими о богатстве, выставляющими его на всеобщее обозрение «дворцами», а такими домами, которые аристократично молчаливо давали понять, что принадлежат людям не бедным, а напротив очень и очень обеспеченным, да еще наделенным вкусом и чувством стиля.

Прежний владелец «Дома у скалы», Игорь Афанасьевич Северцев, оставил по себе не лучшую память и у «простой», и у «богатой» части обитателей поселка. Чуть ли не каждый день к Северцеву наезжали друзья, по виду чистые уголовники. Шумные, пьяные компании носились по дорогам в любое время суток, с грохочущей из мощных динамиков музыкой, взрывающей сельскую тишину. Сколько заборов было поломано, сколько домашней живности передавлено. По ночам, частенько запускали фейерверки, мало чем уступающие по размаху и продолжительности салютам, устраиваемым по случаю государственных праздников. Управы на беспокойного, шумного соседа-беспредельщика не то чтобы не могли найти. Ее особо и не искали. Опасались. Про Северцева ходили разные слухи. В том числе, что он то ли вор в законе, то ли просто тесно связан с уголовным миром. Но в том, что неугомонный сосед не вполне дружит с законом, не сомневался никто. Гости-то его были явно не из клуба книголюбов. В общем, когда вместо отвязного господина Северцева, опять же по слухам, покинувшего пределы родной страны, в дом вселилась женщина с четырьмя детьми, весь поселок вздохнул с облегчением. К тому же, новая соседка оказалась весьма приятной, интеллигентной и вполне дружелюбной. Да и дети, были не какими-нибудь избалованными до крайности оторвами, а вполне воспитанными, и если и хулиганили, и проказничали, время от времени, то исключительно, как и все остальные юные создания. Ни больше, ни меньше.

* * *

День был солнечный и безветренный. Ночью подморозило и слегка запорошило снегом, не по-зимнему, чернеющие, голые поля. Зима в этом году явно не спешила. Осень была не то, что бы теплая, скорее слякотная и тяготящая. Двадцатые числа декабря, а снега все нет. Так и Новый год наступит, а ни сугробов, ни снежных горок для ребятишек.

Увидев, какая чудесная погода, Ольга решила, что надо бы прогуляться с мальчишками. Выходной день. Она всю неделю пропадала на работе. Пора выполнить и материнский долг, уделить ненаглядным отпрыскам время.

– Сережа, Ярик! Одевайтесь! Мы идем гулять. – Крикнула она в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

– Сейчас! А куда пойдём? – отозвался звонкий голос младшего сына, Ярослава.

– Свежим воздухом дышать. Что, плохо, что ли?

– А, может, в Макдоналдс поедем? А еще на аттракционах покататься, а еще...

Ольга усмехнулась. Не хотят нынешние дети на улице гулять. Подай им современные развлечения и фаст фуд.

– Пошли, погуляем, подышим свежим воздухом. Вон, какое солнышко! А после обеда куда-нибудь съездим, – пообещала она.

Айк, большущий двухлетний самоед, бежал впереди всех. Солнце слепило глаза. Под ногами поскрипывали белые крупинки. Снег выпал не пушистый, а похожий на белую крупу. Все в этой зиме не так. Даже снежинок нормальных и то нет. Но настроение у всех было хорошее. Мальчишки весело щебетали, чуть позади. Что-то рассматривали, выкапывали из-под белой крупы, камушки, засохшие травинки и палочки. Хихикали, толкались.

Сереже, недавно исполнилось одиннадцать. Ярику уже совсем скоро будет восемь. Можно сказать, почти совсем большие. А старшие дети, близнецы Инна и Антон, уже «вылетели из гнезда». Пошли своей дорогой. Им по девятнадцать. Антон, неожиданно для всех, решил пойти в военную академию. И учился сейчас в северной столице. А Инна, поступив в институт, видимо, решила не отставать от брата, покинувшего дом, и заявила, что желает жить самостоятельно. Мол, взрослая уже, и жизни хочу взрослой, а не возле маминой юбки. Ольга старалась, по мере возможности, и в пределах разумного, давать детям свободу. Лишний раз с поучениями и нотациями не лезть, толку никакого, а отношения только портятся и становятся менее доверительными. Выдав дочери ключи от московской квартиры, в которой они все обитали до того, как переехали в дом в Хороводово, она лишь намекнула, что не стоит очертя голову выскакивать замуж, к примеру, или рожать детей. «Не повторяй моих ошибок», – сказала она дочери. «Мам, ну, что я не соображаю, что ли?» – возмутилась Инна. Ольга улыбнулась. Все считают, что прекрасно соображают. А потом, только удивляются, как же, при такой-то сообразительности, столько глупостей умудрились совершить. Быстренько собравшись, пока мать, не дай бог, не передумала, дочь переехала. Ольга подозревала, что у Инны кто-то появился, и именно в этом основная причина такого стремления к самостоятельности и отдельному проживанию, но пока, дочь не рвалась знакомить мать со своим кавалером. А Ольга не лезла. Раз не маленькая, значит, пусть сама и решает, как и что делать.

* * *

Тропинка шла вверх, взбираясь на невысокий холм. Чуть поодаль, располагались, потемневшие от дождей и ветра, потихоньку разваливающиеся, постройки заброшенной фермы. Несколько лет назад один предприниматель хотел устроить здесь широкомасштабное хозяйство. Построил коровник, и даже конюшню. А потом, то ли деньги кончились, то ли хотение, но строительство остановилось. Постепенно все пришло в запустение.

Айк замер на месте, начал принюхиваться, поводя чутким носом из стороны в сторону, а потом, с лаем, припустил в сторону одной из построек. Ольга проследила за ним взглядом. Может мышей учуял или услышал их возню? А может птицы обосновались внутри сарая. Айк забежал за угол и зашелся безудержным лаем.

– Айк! Ко мне! – крикнула Ольга. Собака продолжала надрываться.

Оглянувшись на мальчишек, которые довольно сильно отстали, полностью погрузившись в свои исследования, Ольга пошла по направлению к сараю, за которым так отчаянно лаял ее, обычно спокойный пес.

– Айк! Ко мне! Иди сюда! – уже почти сердито, позвала она. Солнце слепило, не давая видеть ничего впереди себя. Жалея, что не взяла очки, Ольга прикрыла глаза рукой, как козырьком.

– Айк... – дойдя до угла развалины, Ольга встала как вкопанная. Прямо перед входом в сарай, лежал мужчина. По застывшей, напряженной позе, по голубоватому оттенку кожи лица, припорошенной белыми крупинками и по большому темному пятну, расплывшемуся на светло-серой ткани пальто, на груди, Ольга поняла, что человек мертв. Сотня мыслей, мгновенно пронеслась в голове. Самой важной и значимой оказалась, связанная с мальчиками – нужно увести их отсюда. Нельзя допустить, что бы они увидели тело. На деревянных, негнущихся ногах, Ольга пошла обратно.

– Айк, ко мне! – полупридушенным нервным голосом скомандовала она. Пес, видимо, почувствовав ее настроение, гавкнул в последний раз и потрусил следом за хозяйкой.

– Мам! Чего там Айк лаял? Чего он нашел?

– Ничего. Мышь или птицу. Мне нужно вернуться домой. Срочно нужно позвонить. Я совсем забыла... – Взяв детей за плечи, и, разворачивая их в обратном направлении, сказала Ольга. Радость на детских мордашках сменилась недовольством.

– Ну, мам! – Запротестовал Ярослав.

– Мы же хотели до озера дойти! – внес свой вклад в протест против несправедливости и взрослого произвола и коварства Сергей.

Ольга глубоко вдохнула и, изобразив заговорщицкую улыбку, сказала:

– Мы обязательно сходим, в другой раз. Ладно? Вы меня извините, мне, правда, очень нужно позвонить. Дело очень важное. Но, как я и обещала, после обеда поедем развлекаться.

– Ура! – подпрыгнул, сразу повеселевший Ярик. – А аттракционы? А Макдоналдс?

– Да, и аттракционы, – кивнула Ольга.

– А журналы посмотрим? Наверное, вышел новый, тот, про который я тебе говорил, помнишь? – пользуясь моментом, спросил Сережа.

– И журналы посмотрим, и картошкой фри объединимся и на аттракционах до тошноты накатаемся, а потом будем сидеть, и плакать, почему же мы такие глупенькие, прожорливые, ни в чем не знающие меры, – улыбнулась мать. Мальчики радостно захихикали. – А теперь, кто первый добежит до дома, тот получит супер-пупер сладкий приз после обеда. Ну, и, естественно, великодушно разделит его с братом.

Мальчики с криками и смехом, толкаясь, и ловя друг друга за куртки, припустили вперед. Ольга достала мобильный и набрала номер.

– Дима! Это Ольга Сергеевна...

Глава 3

– Прохоров! – сонно буркнул следователь.

Суббота. Какого черта кому-то от него понадобилось? С утра пораньше. Ну, может, и не совсем с утра пораньше, на часах было 11–30, но не важно. Выходной, в конце-то концов. Может он решил впасть в спячку, прямо до понедельника.

– Иван Степанович! – поприветствовал начальник управления.

– Да, товарищ полковник, – обреченно отозвался следователь. Дело ясное, плакал его выходной. Начальник, явно, звонит не доброго утра пожелать горячо любимому сотруднику.

Начальник управления был новый. По сравнению с прежним, весьма интеллигентный и даже вполне приятный и понимающий дядька. Но сегодня даже этот факт Прохорова не радовал.

– Тут такое дело, Иван Степанович. Знаю, что выходной. Но, сами знаете, служба у нас такая... – начальник вздохнул, Прохоров тоже. – Нужно съездить на место обнаружения трупа. Поселок Хороводово в Подмосковье.

От удивления, даже остатки сонливости разом пропали. Что за новости такие?

– Так Подмосковье, это не наша юрисдикция, – на всякий случай, вдруг начальник позабыл такой незначительный факт, уточнил Прохоров, на самом деле, прекрасно понимая, что просто тянет время. Никуда он не денется. Сейчас скоренько умоется, проглотит чего-нибудь, если, что-то съедобное найдется в его холостяцкой квартире, и поедет, как миленький, в этот чертов поселок, где, так некстати, угораздило кого-то помереть насильственной смертью в выходной день.

Начальник снова вздохнул.

– Знаю, Иван Степанович. Но, так уж вышло, что у них там один следователь в отпуске. А второй, ногу сломал и, как назло, вчера. Вот и попросили помочь.

Собственно, особой разницы, куда ехать, не было. Выходной-то все равно накрылся. Хоть Москва, хоть область, один черт. Но, видно, сегодня был один из тех дней, когда Прохорова все раздражало. Каждая мелочь. Мысленно ворча, проклиная и начальника, и обнаруженный труп, и даже несчастного следователя с его переломом, Прохоров поплелся в ванную, приводить себя в порядок.

Перед выходом из дома он позвонил Саше Синицыну. А то, что же, начальник, значит, будет трупы осматривать, у черта на куличках, а подчиненные наслаждаться законным выходным? Нет уж. Пусть молодежь тоже поработает. Нечего расслабляться.

– У меня для тебя приятная новость! Сегодня у нас, по плану, прогулка на природу. Не благодари, – ухмыляясь, сказал Прохоров, судя по голосу, сразу погрузневшему Саше. Грусть молодого коллеги, вызванная неожиданным сообщением о предстоящей прогулке, не тронула Прохорова. Тонем, не терпящим возражений, он сказал: – Через полчаса заеду за тобой.

– Так точно, – без энтузиазма ответил Саша.

* * *

– А куда едем, Иван Степанович? – поинтересовался Саша, усаживаясь в машину.

– На Кудыкину гору, – огрызнулся шеф. Покосившись на подчиненного, и испытав легкий укол совести, Прохоров проворчал: – Поселок Хороводово – хороводы, стало быть, будем водить. Суббота – самое время для подобных мероприятий. Не находишь?

Саша кисло улыбнулся. По его мнению, в субботу можно найти занятие и поприятнее. Одно из таких, гораздо более приятных, как раз осталось досыпать в мягкой теплой постели

в его квартире. И он, с радостью присоединился бы сейчас, к сладко спящей, волнительно прекрасной юной особе, а не тащился, в какое-то там Хороводово-Трубопроводово, с хмурым, раздраженным шефом.

Саша предпочел не спрашивать, чего это их отправили в какой-то поселок, находящийся за пределами границ любимой столицы. Судя по недовольному лицу, шеф, тоже был не в восторге от предстоящей поездки и, видно, вообще не настроен сегодня на излишнюю общительность. А, когда шеф не в духе, лучше его не трогать. Потом сам не рад будешь.

* * *

Молоденький участковый встретил работников московской прокуратуры на проселочной дороге, ведущей в чертово Хороводово.

Осмотрев место и тело, переговорив с прибывшим патологоанатомом, Прохоров потребовал, что бы участковый сопроводил его к свидетельнице, нашедшей тело. Оставив Синицина заканчивать «официальную часть» с экспертами и с бригадой полицейских.

Естественно, и вполне понятно, что женщина, вышедшая на прогулку с детьми, найдя мертвое тело, и сама испытала шок, и поспешила увести детей. Да и морозец на улице сегодня довольно-таки приличный. Но Прохоров все же не удержался и проворчал, что свидетельница могла бы и полицию подождать. Вызвавшая в нем вредность требовала выхода, поэтому он добавил, что теперь, вот тащись к ней, на своих двоих. Участковый, видя, что следователь из Москвы не в настроении, что и понятно, объяснил, что можно, конечно, и на машине доехать, но дольше объезжать. Дом, где живет свидетельница, всего минутах в десяти ходьбы.

– Надеюсь, это не она его, – раздражаясь уже, скорее на свое собственное ворчание и плохое настроение, не преминул сделать довольно беспочвенное предположение следователь.

Участковый покосился на него. Вот послал бог!

– Да, что Вы?! Конечно, нет, – почти возмущенно запротестовал он. Теперь уже Прохоров покосился на молодого полицейского. Чего это он так разволновался?

– В нашей работе, никогда нельзя быть уверенным наверняка, – наставительно сказал он. Молодежь! Всему их учить нужно. Работнички, тоже!

* * *

– Ни хрена себе! – глядя на громадный дом из стекла и гранита выразил свои впечатления Прохоров. – Свидетельница-то, видать, богатая тетка?

Участковый неопределенно пожал плечами. «Да, что он влюблен, что ли в эту бабу?» – недовольно глядя перед собой, подумал Прохоров. Еще и тетка, небось, противная. В таких домах, обычно, именно такие, противные-препротивные, проживают.

В ответ на трель звонка, не какого-нибудь, а красивенького, из меди, раздался собачий лай и детские вопли: «Мам!!!» Спустя минуту, дверь открыла довольно симпатичная женщина, лет тридцати пяти, может чуть больше. «Да, для юного участкового она явно старовата. Хотя, всякое бывает», – отметил Прохоров, насупившись, в ожидании, когда обманчиво-приятная хозяйка дома продемонстрирует свое истинное лицо избалованной богатой стервы.

– Здравствуйте! Проходите. Дима, спасибо тебе огромное! – сказала женщина. Заметив, непонимающий взгляд незнакомца пришедшего вместе с участковым, хозяйка дома пояснила: – Я очень испугалась и растерялась, когда... когда увидела этого человека. Мертвого... – она немного смутилась: – Я ужасно боюсь покойников... И еще дети. Я подумала, что если они увидят труп, потом будут переживать, бояться. Дети же впечатлительные. В общем, я позвонила Диме, а он пообещал все дальше сам уладить...

Прохоров кивнул. Понятно. Участковый в деревне или поселке, это не то, что участковый в Москве. Здесь участковый, это, почти близкий друг, ну, как минимум, хороший знакомый. Он всех знает. Все знают его. В случае чего, обращаются за помощью. И он старается помочь, а не отмахнуться, или равнодушно и, без особой охоты, предложить «написать заявление». Что-то в этом есть, кстати.

Хозяйка дома улыбнулась, по-прежнему, упорно продолжая скрывать гадкий нрав ядовитой кобры, видимо поджидая подходящего момента, когда следователь расслабится. И тогда уж она сразу покажет себя!

– Я сварила кофе. Вы, наверное, промерзли на холоде? – улыбка у нее была приятная, располагающая. Как ни странно, этот факт только усугубил дурное расположение духа Прохорова. Гостеприимная хозяйка, вероятно, приняла хмурое выражение лица незнакомого служащего правоохранительных органов, за недовольство по поводу предложенного напитка. Может, не любит человек кофе. Ослепительно улыбнувшись Прохорову, она сказала: – Если кофе не хотите, могу налить чай? Вам какой, черный или зеленый?

«Серобурмалиновый!» Прохоров выдавил вялую улыбку, мысленно проклиная и ее, и себя, и, заодно, поселок Хороводово, и вообще все и вся. Он уже начинал чувствовать себя ворчливой, всем недовольной сволочью. Что ж это за настроение-то такое. Может в отпуск пора? Может кризис среднего возраста?

– Спасибо. Если можно, кофе. – Самым вежливым голосом проскрипел он и только что ножкой не шаркнул. Он не хотел расстраивать гостеприимную и доброжелательную свидетельницу. Она и правда испытала сегодня потрясение. И, вероятно, она все-таки не истеричная стерва. Это он – старый циник и совершенно зачерствевший на работе придурок.

Усадив «гостей», хозяйка разлила по чашкам кофе и сама села напротив, приготовившись отвечать на вопросы.

В кухонную дверь всунулась белобрысая голова. Озорная детская мордаха, расплывшись в широкой улыбке, с любопытством уставилась на собравшихся.

– Здравствуйте! – звонко поздоровался обладатель белокурых волос и расплывающейся, от уха до уха, улыбки.

Прохоров улыбнулся мальчишке и подмигнул.

– Привет!

Он протянул руку и «по-взрослому» поздоровался с юным обитателем дома.

– Ярослав! – шикнула мать на сынишку и красноречиво указала взглядом на дверь. – Пойди, поиграй. Сейчас мы поговорим, а потом поедем гулять, как я и обещала.

– А Вы тоже поедете? А ты, Дим, поедешь с нами? – поинтересовался младший отпрыск хозяйки.

Мужчины улыбнулись.

– Ярослав! – уже, начиная сердиться, прикрикнула мать.

Мальчишка вприпрыжку поскакал в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

– Я им ничего не сказала, – извиняющимся тоном объяснила свидетельница, – но дети чувствуют, когда происходит, что-то необычное.

После двух вкуснейших чашек кофе, и беседы по поводу случившегося, стало ясно, что она, в общем-то, ничего не знает и помочь ничем не может. Мужик, тот который жертва, ей не знаком. Ничего необычного не видела. Просто, совершенно случайно, и то только из-за разлаявшейся собаки, наткнулась на тело. Зря пришли. Разве, что посидели в тепле, согрелись, и кофе хороший попили.

Поблагодарив хозяйку и оставив, на всякий случай визитку, вдруг чего вспомнит, бывает со свидетелями такое, Прохоров с участковым Дмитрием Рогозиным, откланялись. Пора было приниматься за дело всерьез. Вернувшись на место обнаружения трупа, Прохоров убедился, что Синицын уже успел решить все «организационные» вопросы, и даже само тело уже тоже

увезли. Отлично. Даже настроение чуть-чуть улучшилось, не любил Прохоров все эти процедуры с различными службами.

Оставшуюся часть дня следователи, вместе с неутомимым, улыбчивым и весьма симпатичным участковым, обходили жителей поселка. Естественно, не все были дома, но, из тех, кого застали, ни один не опознал убитого и ничего ценного для следствия не сообщил. Никто ничего не видел. Да и не мудрено. Место, где совершено убийство, глухое, находится далеко в стороне от домов. Там зимой, вообще, редко кто ходит.

Начало уже смеркаться, когда слуги закона закончили свой долгий, безрезультатный обход.

– Я тут еще поспрашиваю, завтра, послезавтра. Может, чего и удастся узнать, – пообещал участковый.

Мужчины пожали друг другу руки.

– А можно полюбопытствовать? – спросил Прохоров. – Мне, как бы это сказать, показалось, что у Вас весьма теплые дружеские отношения со свидетельницей. Вы, часом, не родственники?

Молодой полицейский улыбнулся.

– Нет, не родственники. Не сложилось. – Развеселившись, заметив на лице Прохорова удивленное выражение бабки-сплетницы, ждущей продолжения, он пояснил: – У Ольги Сергеевны есть старшая дочь, Инна. Когда они сюда переехали, я, можно сказать, голову потерял. Влюбился без памяти. Ну и какое-то время мы, вроде как, встречались...

Участковый немного погрустнел. Видимо, не сложившаяся любовная история, еще не в полной мере была пережита им. Что-то еще болезненно отзывалось в душе при воспоминаниях о дочери хозяйки шикарного дома.

– Не сложилось? – скорее, из желаний побольше узнать о хозяйке дома, в интересах следствия, естественно, спросил Прохоров. Роман участкового его особо не волновал.

Молоденький полицейский пожал плечами.

– Ну, да. Не сложилось, расстались, – он грустно улыбнулся. – Да, я сам виноват, в основном. Ну, и молодые были оба, глупые совсем. В общем, не судьба...

Он усмехнулся и немного смущенно добавил:

– Чуть руки на себя тогда не наложил.

«Вот, дурачина, – глядя на молодого парня, беззлобно подумал Прохоров. – Нужен ты ей был, при таких деньгах. Поиграла, небось, да и хвостом вильнула и уже забыла давным-давно...» Озвучивать свою мысль Прохоров не стал. Чего человеку душу травить.

– Ты сказал, что они сюда переехали. Значит, это не так давно было?

– Ну, да. Три года назад.

– А до этого, кто здесь жил? – Прохоров не знал, понадобится эта информация или нет, но он привык обстоятельно подходить ко всем деталям расследования. Может это и не имеет никакого отношения к делу, а может, наоборот, вдруг, раз и явится пусть не ключом, но хотя бы ниточкой ведущей в нужном направлении.

– Раньше дом принадлежал некоему Игорю Северцеву. Его тут весь поселок помнит и не самым добрым словом. Никому житья не давал. Говорили, что он какой-то бандит или связан с большими людьми в криминальном мире. В общем, пока он тут жил, никакого покоя не было. Родители детей боялись за ворота выпустить. Этот Северцев и его дружки, так тут гоняли на своих машинах, днем и ночью, что чудо, что никого не задавили. Вечно все пьяные, крик, ор. Музыка на полную громкость. То, стреляют, там возле дома, по мишеням, то фейерверки запускают по полночи. Короче, очень беспокойный товарищ.

– А с чего он, вдруг, дом продал? Ничего такого не было? Может, история какая, неприятная? Криминал какой?

Участковый пожал плечами.

– Да, нет, вроде. Я, правда, тогда в школе милиции учился. Но, если бы, что-то такое было, так кто-нибудь обязательно рассказал бы, – он улыбнулся, – тут же деревня. Что случается, сразу все знают. Нет. Никто ничего не говорил. Просто Северцев уехал, а месяца через три Ольга Сергеевна с детьми въехала. У всего поселка настоящий праздник был.

– Ну, ясное дело. Женщина с детьми, после отморозка-уголовника – подарок судьбы, – усмехнулся Прохоров. – Ее, вообще, в ранг святых должны были возвести.

Вопросов по поводу хозяйки большущего дома, Прохоров решил полицейскому не задавать. Он, по отношению к ней, не объективен, это ясно. Близкая знакомая, мать хоть и бывшей, но возлюбленной. Лучше, эту информацию ему его ребята раздобудут. И про саму Ольгу Сергеевну, и про то, каким образом такая интеллигентная, приличная, на вид, многодетная мамаша, приобрела дом у такого типа как этот Северцев.

– Думаю, в понедельник я снова приеду, может еще, что всплывет. А ты, если не затруднит, и впрямь, пройдишь завтра по тем домам, в которых сегодня хозяев не застали. Вдруг повезет...

– Конечно, – с готовностью согласился участковый.

Прохоров почувствовал неловкость и даже угрызения совести. У парня, вообще-то, тоже завтра выходной.

– Могу прислать пару своих ребят. Я же понимаю, сегодня день пропал. Завтра опять...

– Да, ничего страшного, – беззаботно отмахнулся участковый, – Я вечером всех обойду. Вечером-то, наверняка, все дома будут.

* * *

Пошел снег. Самый настоящий, пушистый, падающий на землю целыми хлопьями. Сказочно-новогодний. Видимость на дороге была хуже некуда. Дворники не справлялись с обилием, кружащихся белым вихрем, снежинок. Водители напряженно вглядывались в непрерывно надвигающуюся сверху бело-серую мглу, скрывавшую дорогу и едущие рядом машины. Движение замедлилось. За считанные минуты образовались многочисленные длинные пробки. Люди, сидящие за рулем, чертыхались, проклиная снегопад. Все ждали «нормальной» зимы, и вот она пришла. Но, как всегда, как оказалось, не вовремя, тут же вызвав недовольство и желание, что бы она поскорее уже и закончилась. «А мне всегда чего-то не хватает зимой лета... осенью весны». Такие уж мы «венцы природы», не угодишь на нас, что-то, все равно, всегда будет не так.

Глава 4

На вечер воскресенья у следователя Прохорова было запланировано «мероприятие». Приятное и ожидаемое, можно сказать, почти с детским нетерпением. Что с Прохоровым, в силу возраста и специфики работы, бывало крайне редко. Он с приятелем шел на баскетбольный матч. Прохоров был страстным болельщиком этого, пусть и не настолько популярного, как футбол или хоккей, вида спорта. Приятель следователя, несколько лет назад, проходил свидетелем по делу. Возникшая еще во время расследования симпатия, как-то быстро переросла в настоящую мужскую дружбу. А, тот факт, что бывший свидетель, а ныне близкий друг, тоже предпочитал баскетбол всем другим играм, естественно, еще больше упрочил дружеские отношения. Пусть знакомы и не бог весть сколько, зато есть родство душ и взаимопонимание. Что еще нужно?

Одним словом, Прохоров находился в приятном предвкушении. И по этому, когда на экране мобильного высветился номер участкового из поселка Хороводово, следователь даже решил, сначала, что просто не станет отвечать. Выходной у него. Но, у участкового Рогозина тоже был выходной, однако же, он, по какой-то причине, звонит ему, своему коллеге. А впечатление молодой, но явно толковый и знающий свое дело участковый, произвел на Прохорова весьма благоприятное. Просто так, из-за ерунды, он бы звонить не стал.

Вздыхнув, и стараясь отогнать тревожные предчувствия, о большой вероятности пропустить сегодняшнюю игру, Прохоров взял надрывающийся мобильник.

– Иван Степанович! Добрый день, извините, что беспокою, но, тут такое дело... Мне кажется, что это может иметь отношение ко вчерашнему происшествию...

– Да, слушаю Дима... – с тоской ответил Прохоров. Ну почему в жизни все так несправедливо? Неужели до завтра все злодеи подождать не могут? Неужто, не хотят тоже, как нормальные люди, взять и отдохнуть денек.

– В двадцати километрах от нас, в овраге, возле шоссе, нашли машину одного из жителей поселка. Он сам в машине. Убит ударом ножа, в сердце. Патологоанатом, предварительно, определил время смерти, 36–48 часов назад. Такие дела. Я, просто не очень верю в совпадения. Да, особенно учитывая, что у нас сроду ничего такого не случалось, а тут два трупа подряд...

– Да, я тоже не верю в совпадения. Тело где?

Участковый поселка, где начался поголовный мор, назвал адрес, куда увезли тело. Прохоров взглянул на часы. Может, все же, он успеет съездить посмотреть на труп, потом заскочить на место обнаружения машины, а потом на игру?

Убитый в собственной машине, житель поселка Хороводово, оказался крепеньким шестидесятидвухлетним мужичком, чем-то похожим на Санта Клауса из импортных фильмов. Типичный представитель тех, кто всю жизнь занимается физическим трудом на свежем воздухе. Лицо загорелое, обветренное, возле глаз глубокие морщинки. Видно, мужик был веселый, любил посмеяться, мрачно отметил про себя Прохоров. Большие сильные руки. Всю жизнь человек работал, трудился этими самыми руками, а потом, по непонятной причине, кто-то взял да и ткнул его ножом, в его же собственной машине.

Участковый Рогозин, явно расстроенный происшествием, сообщил, что погибший был мужик общительный, не вредный, не задиристый, а наоборот добряк, широкая душа. С соседями ладил. Работал, одно время, в соседнем поселке у частного предпринимателя, у которого было большое хозяйство и даже пара заводиков по производству колбас и молочной продукции. Погибший, отлично разбиравшийся в технике, был там и за механика и за главного инженера и за слесаря. Несколько месяцев назад, ушел от предпринимателя и занялся своим хозяйством. Овощи, зелень, яйца. Сказал, что годы уже немалые и с железками возиться надоело, да и тяжело уже. Охота на своей земле поработать, в удовольствие. Время от времени, он

возил плоды своих трудов на рынок. Сдавал на реализацию. Жил не бедно, но и не богато. Так, что ограбление маловероятно. Хотя, сейчас и за пятьсот рублей могут жизни лишить, если, к примеру, наркоман какой попадется, которому деньги до зарезу нужны.

– Я думаю, что он подвозил кого-то, а тот его... – сказал участковый. – Хороший мужик был. Жаль его.

– Да, всех жаль, когда вот так, ни за что, ни про что, – буркнул Прохоров.

Они подъехали к дому убитого. В сарае возились куры, слышалось кудахтанье.

– Скажу, потом соседке, что бы покормила, да и вообще к себе, что ли забрала их. – Грустно сказал сердобольный участковый. – Жалко, живые существа как-никак.

В доме было чисто. Все на своих местах. Не особо уютно, мужик жил один. Но для «холостяцкой берлоги» вполне прилично. Даже цветочки на окошках. На столе скатерть вышитая. Наверное, чей-нибудь подарок.

– Родственники были у него?

– Сестра, где-то в другом городе. Он мне как-то рассказывал, мол, собирается к сестре съездить, зимой, когда все хозяйственные работы закончатся. – Рогозин вздохнул. Видимо события последних двух дней тяжело на него подействовали, навели на него уныние. Для поселка, где как он сам сказал, никогда ничего «такого» не случается, две насильственные смерти подряд, действительно многовато. Молодой участковый сегодня не улыбался жизнерадостно, как вчера. Глаза посерьезнели. Прохорову был симпатичен явно равнодушный к своей работе и к людям, окружающим его, парень.

– Сообщишь ей? – спросил следователь. – Могу кому-нибудь из своих ребят поручить.

Участковый помотал головой.

– Да, нет, я сам. Я же его с пеленок, можно сказать, знал. Всю жизнь здесь живу. Нужно уважение проявить. Он нам в детстве свистульки из глины лепил. Такие заливистые...

– Дима, здесь, конечно, не Москва. Все немного по-другому. Народу меньше, все друг друга знают. Общаются. Но, если уж ты выбрал эту профессию, ты постарайся, так близко к сердцу все не принимать. Иначе, надолго тебя не хватит. Сгоришь, сам не заметишь как, – сказал Прохоров. Он уж, почти забыл, как сам начинал работать в органах. Что чувствовал тогда. Как, чуть не до слез, переживал каждую трагедию, каждую, казавшуюся чудовищной несправедливость. Жизнь пообтесала, душа обросла коркой, зачерствела. Редко-редко, иногда все же случается, что хочется взвыть от жалости или, наоборот, от ярости и злости на тех, кто творит страшные, не укладывающиеся в голове вещи. Когда, к примеру, расследуют убийства детей. Но, Прохоров, в таких случаях, сразу твердо говорит себе: «Цыц! Надо всеми не наплачешься, да и толку никакого от этого не будет. Нужно подонков, кто творит такое, ловить, а не сопли распускать» И ничего, отпускает. И дальше можно делать свою работу с ясной головой и холодным сердцем.

Дима Рогозин кивнул.

– Да, я знаю. Я в норме. Вы не думайте, я справлюсь, – смущенно сказал он.

Прохоров хлопнул парня по плечу.

– Не сомневаюсь. Обязательно справишься.

* * *

– Прощу прощения! Извините! – вежливо повторял следователь, протискиваясь мимо сидящих болельщиков, к своему месту, переступая через вытянутые ноги, то и дело, задевая чьи-то колени. Никто, особо, внимания на него не обращал. Все были поглощены игрой. Сегодня борьба была напряженной, интересной.

– Здорово! Как игра? – плюхнувшись рядом с приятелем, пропыхтел Прохоров.

– Здорово! Ну, ты вообще! Половину, считай, пропустил, – проворчал его друг, считавший, что уважительной причиной, для того что бы пропустить баскетбольный матч, может быть только собственная смерть, ну или, как минимум, кома или полный паралич. Все остальное – ерунда, которая не может остановить истинного болельщика.

– Работа, – развел руками следователь.

– Работа! – передразнил приятель. – Да на х... такую работу, которая... Давай!!! Да!!! Нет!!! Ну, как же так?! – вскочив с места, во весь голос заорал он, вместе с доброй половиной зала.

– Нет, ну ты видел? – разочарованно протянул он, усаживаясь обратно. – Ну, вообще! Ну как так можно было не попасть? Ну, что руки, что ли не из того места?!

Прохоров усмехнулся. Он еще не успел «включиться в процесс», эмоции еще не зашкалило и он, пока наблюдал за реакцией уже разошедшихся, раззадорившихся фанатов, как бы со стороны. Это оказывается забавно, когда вокруг тебя все скачут и орут, как безумные. Обычно-то этого не замечаешь, потому, что сам скачешь вместе со всеми и орешь во всю глотку.

Команда, за которую болели друзья, продула. В качестве утешения, решили зайти, после игры, «пропустить по кружечке». Был у приятелей один любимый ресторанчик, с располагающей, расслабляющей атмосферой и отличным пивом.

– Ну, рассказывай, чего за дело, – предложил товарищ, готовый слушать о чем угодно, лишь бы это никак не было связано со звездами и знаменитостями, с которыми работал он сам, будучи агентом этих известных особ.

– Тайна следствия, – ухмыльнулся Прохоров.

Приятель заржал.

– Ой, да ладно! Я-то, надеюсь, не в подозреваемых? Так, чего тогда за тайны? Я-то, лицо не заинтересованное.

Прохоров улыбнулся.

– Да в нашем деле, никогда не знаешь, как оно все обернется, – поддразнивая товарища, сказал он, – сегодня не подозреваемый, а завтра, уже все может измениться.

Рассказ Прохорова, не произвел особого впечатления на звездного агента. Ничего интересного. Вообще ужасная работа, ездить смотреть на трупы, на места где совершены убийства. Бррр! А потом, как ищейка вынюхивать все, что связано с этими самыми убитым. В общем, даже еще хуже, чем его собственная работа.

– Тоска! – резюмировал он и, ухмыльнувшись, добавил: – Стоило из-за этого игру пропускать.

Прохоров хмуро покосился на него. Остряк нашелся. Не желая говорить больше о работе, Прохоров сменил тему:

– Как там, твой персональный монстр? – намекая на жену друга, поинтересовался он.

Это было не совсем честно. Брак, крайне неудачный, был большим вопросом приятеля. Прохоров знал это, но другой темы, не относящейся к расследованию, так, сразу, не придумалось. Но друг ответил, на удивление, жизнерадостно:

– Мой персональный монстр, скоро перестанет быть моим. – Он засмеялся, видя, как удивленно приподнялись брови следователя. – Мы разводимся! Я, наверное, в месячный загул уйду, когда все будет официально подписано.

– А чего молчал, партизан? Ты ж не вчера развестись надумал?

Приятель подмигнул.

– Боялся сглазить. Ты, вот, человек холостой, свободный и счастливый, тебе не понять. А мне почти пятнадцать лет каждый день мозг по кусочку выгрызают. Поневоле, суеверным сделаешься.

– Как же это она тебя так отпустила? Ты же говорил, в случае чего, она тебя по миру без штанов пустит, а перед этим еще голову тебе отгрызет, как самка богомола.

Друг заржал.

– Да, она так бы и сделала, не сомневайся. Только, я уже год назад все дела, по документам, на другого человека перевел. Так, что моя рыбка, конечно, получит то, что ей положено, я ж не сволочь. Но, спать под мостом и побираться с протянутой рукой мне не грозит.

– Надеюсь, то о чем ты мне сейчас говоришь законно? Иначе, не нужно мне ничего рассказывать, я все же служитель закона.

– Все, законнее не бывает. Я махинациями не занимаюсь и с законом в игры не играю, – весело сказал приятель. А потом серьезно добавил: – А вообще, я бы уже даже и без штанов по миру пошел. Вот где все, – он приложил ребро ладони к горлу.

Прохоров, посмеиваясь, покачал головой. Друга можно было понять. Таких, как его жена, еще поискать нужно. Хотя, время от времени, конечно, попадаются подобные экземпляры. Эх, хорошо, что он не женат. Отвел бог от такого глупого шага. Сам себе хозяин. Никто не пилит. Мозг не выносит, не ноет, истерик не закатывает. Красота. Прохоров с наслаждением отпил холодного пива. Хотя, иногда, хочется какого-то тепла. Что бы рядом был близкий, готовый выслушать, пожалеть, понять человек. «Чего за хрень?» – возмутился собственным дурацким мыслям следовательно. «Всякая чушь в голову лезет. Настроение, то и дело меняется. Не иначе правда кризис среднего возраста, а то и вовсе, старость незаметно подкралась».

Глава 5

В понедельник, с самого утра, работа закипела. Два трупа образовавшиеся за время выходных, подкинули группе Прохорова непочатый фронт работы. Множество вопросов, требующих, как можно более быстрого разрешения.

Созвав своих «бойцов», пребывающий сегодня в более-менее хорошем расположении духа следователь, сразу пресек нытье, и проявление недовольства, по поводу, того, что им «навесили не московские трупы», и дал указания, что необходимо сделать. Загрузив, по полной программе, каждого, чтобы не скучали, начальник дал отмашку действовать. Заданий было много, но спорить и оспаривать приказы «командира» никто не посмел. Таких отважных, подающих голос «против власти», обычно, нагружали дополнительными заданиями.

Подчиненные ринулись исполнять поручения: «рыть», «копать», «вынюхивать» – одним словом, собирать всевозможную информацию, связанную с обеими жертвами и их окружением. Хотя, относительно первой жертвы, по крайней мере, пока, это представлялось довольно проблематичным, так как никаких документов или чего-либо указывающего на то, кем является убитый, на месте преступления обнаружено не было.

Сам же Прохоров отправился к судмедэкспертам. Как можно скорее нужны были результаты экспертизы, а лаборатория могла тянуть с этим несколько дней, не из вредности, конечно, а ввиду загруженности работой. Но Прохоров решил взять быка за рога и, ради пользы дела, «потеснить» очередь, что бы добыть нужные сведения побыстрее.

– Нет. – Твердо сказал заведующий криминалистической лабораторией, Вахтанг Таладзе, человек-энциклопедия, с огромным опытом работы в криминалистике, едва заведев на пороге своего кабинета Прохорова. Ни мало не смутившись, таким негостеприимством, следователь вошел в кабинет и поставил на стол бутылку настоящей, отличнейшей грузинской чачи, полученной в подарок от приятеля, агента знаменитостей, недавно, побывавшего, в Грузии.

– Ты, что мне взятку предлагаешь?! – стараясь говорить возмущенно, спросил Вахтанг.

Прохоров развел руками.

– Что ты? Нет, конечно. Просто отличная чача, друг привез, – с видом змея искусителя сказал следователь. – Думаю, Вахтанг, точно оценит.

Конечно, друзья и родственники, наезжавшие в столицу с далекой родины, регулярно снабжали зав. лабораторией благороднейшим из напитков, но предложение было соблазнительным – отличная чача стояла прямо перед ним, здесь и сейчас. В конце концов, Таладзе был всего лишь человек, и устоять против подобного искушения было сложно. Да и почему бы не пойти навстречу, не сделать одолжение хорошему человеку, тем более он же не для себя, для дела старается?

– Вечером результаты получишь, – бросил грузин, для вида, сердито насупив черные брови.

– Спасибо, Вахтанг! – широко улыбнулся следователь.

– И учти, Иван, в следующий раз никакая чача тебе не поможет, – крикнул криминолог. А то, так и повадятся без очереди пролезать, пользуясь чужими слабостями.

* * *

Ольга целый день была в разъездах по работе. Еще утром позвонила соседка Мария Игнатьевна. Одна из жительниц поселка, из той части, которую занимали «аборигены». Мария Игнатьевна была известной в поселке сплетницей. Обожала собирать и потом доносить до сведения всех и каждого любую, хоть сколько-нибудь интересную, а зачастую, и не интересную

информацию. «Наверное, жаждет подробностей про то, как я нашла труп» – подумала Ольга, услышав в телефоне голос любопытной старухи.

– Мария Игнатьевна, у меня сейчас важная встреча по работе. Я Вам перезвоню, когда освобожусь, – без особого энтузиазма пообещала Ольга. Она не особо любила выслушивать нескончаемые истории болтливой тетки, но по опыту знала, что та все равно не отвяжется, пока не получит, хотя бы самую скудную информацию.

После важной встречи была еще одна, не менее важная. Потом Ольга ездила к заказчику, у которого возникли «вопросы и парочка пожеланий», как он сообщил по телефону. Потом она, наскоро пообедала в небольшой кафешке. Приехав на работу, уже в начале пятого, Ольга, вспомнила про желающую «быть в курсе» Марию Игнатьевну, напрочь, вылетевшую у нее из головы за круговертью дел. Ольга уже пожалела, что вообще пообещала перезвонить. Но слово она дала, значит, придется звонить. Та уж, наверняка и так вся извелась возле телефона, в ожидании. Вздохнув, страсть как неохота было общаться с назойливой болтливой старухой, Ольга набрала номер.

– Оленька! – как всегда, слегка задыхаясь, выпалила соседка. – А я уж не чаяла, что позвонишь. Оленька! Ужас-то какой! Слышала, это ты вчера, труп-то нашла. Вот ведь кошмар! Страсти господни! Бедная ты моя! Такой страх, наверное, пережила?!

Ольга закатила глаза. Разговор обещал быть долгим. Эмоции у говорливой любительницы новостей, явно зашкаливали. Она уже открыла рот, что бы подтвердить, что да – я нашла, и да, кошмар, ужас, жуть, но соседка сама вновь заговорила:

– Оленька! А ведь у нас новый труп! – она выпалила новость так радостно, как будто сообщала, что каждому жителю Хороводово дали по бесплатной путевке в санаторий и вдобавок к путевке, вручили по государственной награде.

– Как, новый? – растерянно пробормотала Ольга. Она приготовилась отвечать на вопросы о вчерашнем происшествии, а тут соседка сообщает, что еще кто-то умер, и, судя по ее возбуждению, тоже не просто так.

Дав Ольге пару секунд, помучиться неведением и прочувствовать всю «торжественность» и важность момента Мария Игнатьевна, которая сама не могла уже больше ждать, на одном дыхании, выпалила:

– Да, Оленька, да, еще труп! Представляешь?! Ужас, просто ужас! Целый день сама не своя. Боюсь, лишний раз, дверь открыть, на улицу выйти. Кошмар, что творится! Сосед мой, через два дома от меня жил, Антон Андреич Мамаев. Помнишь его? Такой, с бородой, здоровый такой, видный мужик. Всегда улыбался. На баб поглядывал. Но может так, ничего в голове и не держал, не буду на покойника наговаривать, грех на душу брать. Так вот, Оленька, нашли его, значит. В собственной машине. Мертвого. Небось, денег вез кучу, он же продукты на продажу возил. Вот, наверное, и ограбили. Разве ж можно с большими деньгами-то ездить, в наше-то время? Ужас, что делается! Зарезали Антон Андреича, как этого твоего, которого ты вчера...

– А, что следовательно? – неопределенно спросила Оля, что бы хоть что-то сказать и заодно, унять неиссякаемый поток собственных версий и предположений разошедшейся соседки.

– Следовательно? Ой, этот из Москвы, он такой сурьезный. Сердитый. Прямо не подходит. Как зыркнул на меня. Представляешь? А я ведь только узнать хотела, что и как. Ведь сосед все-таки. Да и боязно. Из дома страшно выйти, такие страсти кругом творятся. Того и гляди и до нас очередь может дойти. Ты деньги-то Оленька дома не храни. Поняла? У тебя дом-то, он какой. И денежки, наверняка, имеются. Так, ведь видишь, что делается? Так, что не оставляй дома деньги-то. А то, не дай бог! Ой, я вот еще думаю, а вдруг, это какой маньяк? По телевизору-то, такие страсти показывают. Ужас, Оленька! Смотреть и то страшно! Я, порой, увижу, так и переключу, а то, прямо страх берет. Вот какие дела у нас страшные творятся-то, Оленька. Ужас! – безостановочно тараторила соседка.

– А, что же Антона Андреевича возле дома... убили? – спросила Ольга, борясь с искушением нажать отбой.

– Нет, Оленька! Не возле дома. Нашли машину-то Антон Андреича, где-то на шоссе. А он там, зарезанный, представляешь? Ужас! Наверняка деньги вез. Наверняка. Мне про машину-то Дима, участковый, сказал, потом уж, как следователь-то сердитый уехал. Сказал километров двадцать от нас. Но ведь, все равно, боязно. Два убийства сразу. Это ж ужас! Я тебе еще вчера позвонить хотела, да у тебя телефон выключен был. Я прямо даже волновалась. Думаю, вдруг, что случилось, ведь такие дела творятся...

– Мария Игнатьевна, извините, мне срочно нужно по работе позвонить, – быстро сказала Ольга и, нажала, наконец-то, отбой. Она достала из сумки визитку, оставленную следователем, и задумчиво посмотрела на нее. Особого желанья звонить у нее не было, но, с другой стороны, вдруг, то, что она вспомнила во время разговора с Марией Игнатьевной важно.

* * *

– Прохоров, – рявкнул следователь.

– Здравствуйте, Иван Степанович. Это Ольга Андреева... – Ольга замялась. Чувствуя ее нерешительность, работник прокуратуры галантно пришел даме на помощь.

– Здравствуйте, Ольга Сергеевна, чем обязан? – жизнерадостно, поинтересовался Прохоров. На самом деле особой радости, услышав голос свидетельницы, он не испытал, не до нее ему было, исполнительные подчиненные завалили его информацией по делу, и он пытался разобраться в полученных сведениях. Так, что звонок, наверняка бессмысленный, был очень некстати.

– Я услышала, про то, что убили Антона Андреевича Мамаева. Соседка позвонила, рассказала, – несколько смущенно пояснила Ольга, чувствуя себя, примерно, такой же собирательницей и распространительницей сплетен, как Мария Игнатьевна.

– У вас есть какая-то информация по делу? – уже жалея, что вообще ответил на звонок, спросил Прохоров.

– Я кое что вспомнила, – сказала Ольга, – это касается Антона Андреевича. Я видела его, накануне того дня, когда... нашла того мужчину. Убитого.

– Да. И что? – чуть более заинтересованно спросил Прохоров.

– Я возвращалась с работы. Было часов семь, полвосьмого. Когда я подъезжала к повороту на Хороводово, навстречу мне выехала машина Антона Андреевича. Он остановился. Мне тоже пришлось остановиться. Он такой общительный, приятный человек... был. – Она немного помолчала. – Он высунулся из машины. Что-то про погоду сказал, спросил как дела. Буквально Пара фраз. Разговор ни о чем. А потом сказал, что едет в город. Засмеялся: «Вон, заодно, и попутчика до города довезу. Машина сломалась, а человеку в город нужно. Чего не помочь? И веселее вдвоем-то». В машине, на пассажирском сидении кто-то был. Но мне было, во-первых, все равно, кто там сидит, а во-вторых, мне почему-то показалось, что человек специально отвернулся. Но, повторюсь, мне было абсолютно все равно кого везет сосед, я была уставшая, торопилась домой. Мы попрощались, и я поехала дальше.

– А Вы не разглядели, хотя бы, мужчина или женщина сидели в машине?

– Нет. Машина Антона Андреевича остановилась чуть впереди моей. Мне было не видно пассажира, да я и не смотрела. Но почему-то я была уверена, что это мужчина. Хотя, не знаю.

– А почему Вы подумали, что это мужчина? – на всякий случай спросил Прохоров.

– Просто Антон Андреевич, он такой был, – Ольга невесело усмехнулась, – обходительный, что ли, этакий сельский джентльмен. Если бы в машине была женщина, думаю, он бы сказал, что даму везу, или красавицу, или барышню. Ну, что-то в этом роде, понимаете? Не думаю, что он сказал бы про женщину – попутчика везу или человеку в город нужно.

– Понимаю, – задумчиво сказал Прохоров. – Ольга Сергеевна, а не могли бы Вы съездить с одним из моих ребят, показать точное место, где вы встретились?

– Могла бы, конечно, – согласилась Ольга.

* * *

Естественно, осмотр места «встречи» с жертвой номер два, ничего не дал. Прохоров на это и не надеялся особо, но не проверить не мог. Всякое бывает, к сожалению, реже, чем хотелось бы. Но теперь следователь был на сто процентов уверен, что убитый житель села Хороводово, вез в тот вечер в своей машине не кого-нибудь, а человека, убившего перед этим первую жертву, чью личность, все еще пытались установить его сотрудники. И, значит, у убийцы своей машины не было. Насчет сломавшейся машины, он убитому Мамаеву, почти наверняка, соврал. Никаких сломавшихся или брошенных машин в поселке или в ближайшей округе не обнаружено. Если только машина не стоит в чьем-то гараже. Но это он завтра поручит ребятам попробовать проверить.

В связи с полученной информацией о встрече на дороге, возникал неприятный вопрос. А не подвергается ли опасности теперь и Ольга Сергеевна Андреева? Убийца же не знает, наверняка, что она его не разглядела. Вдруг, он решит, что она может его опознать?

Еще вопрос, как убийца и его жертва попали в поселок, если своей машины у них не было? Значит, их кто-то привез, не пешком же они пришли. И зачем, вообще было тащиться туда, в это Хороводово?

Прохоров один за другим просматривал отчеты сотрудников. За этим занятием его и застал звонок обладателя легкого грузинского акцента и любителя чачи.

– Иван, результаты отправил тебе на почту. Кое что еще не успели проверить, завтра закончим. Кое что интересное есть, думаю, будет над чем поработать, – сообщил зав. лабораторией.

– Спасибо, Вахтанг!

– Чача, кстати, первый сорт. Отличная! Попробовал пять грамм, в качестве дегустации. Твой друг молодец, знает толк. Не грузин?

– Нет, думаю, нет, – засмеялся Прохоров, – но передам твою похвалу. Скажу, главный специалист оценил.

Криминолог засмеялся и отключился.

Прохоров открыл присланный отчет. Действительно, интересного было предостаточно.

Отпечатки пальцев первой жертвы совпали с отпечатками, ранее судимого, и не один раз, Виктора Комаровского. За ним числился целый список преступлений, как доказанных, так и тех, в которых его подозревали, но так и не смогли предъявить обвинение. От тяжких: вооруженный грабеж, нанесение тяжких телесных повреждений, подделка документов. До таких невинных, по сравнению с предыдущими, как воровство и хулиганство. Комаровский дважды был осужден. Отсидел восемь лет, затем, почти сразу еще четыре года. Но десять лет назад, он неожиданно, перевоспитался. Ни каких претензий со стороны правоохранителей к нему больше не было. Бывший уголовник превратился во вполне добропорядочного гражданина.

Далее, на теле, и на одежде, Комаровского, помимо его собственной крови, были обнаружены следы крови еще двух человек.

В кармане пальто, присутствуют следы пороха. Вероятно, незадолго до смерти этот тип, вероятно все-таки перевоспитавшийся не до конца, успел где-то пострелять. И, вероятно, пострелять не просто так, а в кого-то. Возникает очередной вопрос: в кого и где?

Незадолго до смерти, бывший уголовник пил коньяк. Дорогой. Но уровень содержания алкоголя в крови небольшой. Видимо выпили по чуть-чуть. Интеллигентно.

Далее шел отчет по второму убийству.

В найденной машине следы крови жертвы и одного из тех, чья кровь обнаружена на теле Комаровского. Интересно. Вероятнее всего, что убийца ранен, и это его кровь. Может быть, Комаровский стрелял именно в него. Хотя, смущает, то, что следы пороха в кармане пальто. Как то трудно поверить, что сделав выстрел, лишь ранивший противника, он убрал пистолет в карман и дал заколоть себя ножом. Хотя, конечно, тот в кого стрелял Комаровский, мог притвориться мертвым, а когда тот поверил, что опасности больше нет, убил его. Об этом нужно будет подумать, сделал себе, мысленную пометочку, Прохоров, возвращаясь к отчету. И так, отпечатков пальцев в машине несколько. Хозяина машины и еще четверых человек. Не факт, что среди них есть отпечатки убийцы. Возможно, общительный Антон Андреевич, подвозил кого-то из соседей или случайных попутчиков. Во всяком случае, ни одни из пальчиков, найденных в его машине, в полицейских базах не значились. Прохоров был почти уверен, что отпечатков убийцы нет, еще и потому, что машину отогнали в овраг рядом с шоссе, уже явно после смерти ее хозяина. А на руле только отпечатки самого водителя. Вероятно, убийца был в перчатках. Может быть, изначально надетых, из-за холодной погоды, а не из-за того, что он заранее задумал пришить парочку человек. Прохоров был убежден, что убийства, скорее всего, не входили в планы того, кто их совершил. Причем первое убийство – на ферме произошло в результате ссоры или каких-то разборок. А Убийство жителя Хороводово Мамаева – это уже следствие первого убийства. Мамаев мог опознать убийцу. Он просто был нечаянным свидетелем, которого пришлось убрать.

«Итак, мы имеем, – начал дедутировать Прохоров. – Некто и Комаровский, каким-то образом попадают в поселок. Вероятно, в деле замешан кто-то третий, скорее всего, житель поселка. Он и привез их туда на своей машине. Предположить, что они притопали на своих двоих, было как-то уж совсем глупо. Далековато для пеших прогулок. У убитого уголовника было с собой оружие, скорее всего пистолет, из которого был сделан минимум один выстрел. Пистолет, бумажник, документы и мобильный Комаровского пропали. Их, наверняка, забрал убийца. Это было не ограбление. На пальце жертвы массивная золотая печатка, на шее цепочка, толстая, тоже золотая. Дорогие наручные часы. Грабитель бы все это забрал. Почти наверняка произошла ссора. Или Комаровский кому-то мешал и его решили убрать. Нужно выяснять, чем он занимался в последние годы, когда вдруг стал образцово-показательным гражданином. Далее, убив Комаровского, неизвестный, идет к дороге и тут ему попадается сердобольный мужичок, которого приходится убрать, как ненужного свидетеля. Из всего этого напрашивается вывод – место, где произошло первое убийство, имеет очень важное значение. Не просто так убийца и его жертва оказались в поселке».

Прохоров закурил и откинулся на спинку кресла. Был еще один, не менее важный момент. На теле бывшего уголовника обнаружена кровь еще одного человека. Пока неизвестного.

Прохоров взял телефон.

– Дима, это Прохоров. Извини за поздний звонок.

– Здравствуйте Иван Степанович, – бодро отозвался Rogozin.

– Дима, а можешь сказать, кого тебе так и не удалось опросить из поселка?

– Конечно.

Прохоров выслушал имена, ничего ему не говорящие, его, в общем-то, интересовали не имена, а люди, которым они принадлежали. «Не опрошенных» было шестеро. Один из них Антон Андреевич, но это и понятно. Двое были, по словам соседей в отъезде. Оставалось трое обитателей поселка. Один из той части, где жили «бедные сельские труженики», и двое из «богатых».

– Дима, а ты не мог бы попробовать сейчас навестить этих граждан? У меня тут одна идея, нужно ее проверить, – чувствуя себя свиньей и негодяем, эксплуатирующим безотказного участкового, попросил Прохоров.

– Нужно так нужно, – ответил преданный долгу молодой полицейский.

– Звякни потом.

– Конечно, Иван Степанович. А, что какие-то зацепки появились? – полюбопытствовал Рогозин.

– Возможно. У меня тут результаты экспертизы. Вот на их основе, так сказать, запрашиваются кое-какие выводы, – как всегда, мастерски уйдя от четкого прямого ответа, сказал Прохоров. – Жду звонка.

В ожидании, пока молодое поколение, в лице участкового Рогозина, будет чуть ли не ночью, бегать по морозу, и ломиться в дома жителей поселка, в попытках опросить их и раздобыть нужную информацию, Прохоров вновь занялся чтением бумаг, содержащих сведения добытые сотрудниками.

По Мамаеву ничего интересного не было. С соседями ладил. С бывшим нанимателем расстался полюбовно. Сестра живет в Орле. Рогозин сообщил, что она со дня на день приедет, чтобы заняться похоронами. Убита горем. Все это для следствия представляло мало интереса. Нормальный, хороший мужик. Прохоров и вначале-то его не подозревал, а в свете всех имеющихся фактов и вовсе с чистым сердцем исключил из числа имеющих непосредственное отношение к делу. Как это ни грустно, он стал одной из случайных жертв. Не то место, не то время. В данном случае, не того человека взялся подвезти.

Дальше шла свидетельница обнаружившая труп на заброшенной ферме. Не то, что бы Прохоров и ее всерьез подозревал в чем-то. Но, во-первых, он всегда проверял всех, хоть как-то причастных к делу. А, во-вторых, эта особа, каким-то образом была связана с Северцевым. Возможно только сделкой купли-продажи дома, а возможно и как-то иначе. А это уже было интересно. Прохоров не исключал вероятности, что данная история вообще напрямую связана с этим, не самым законопослушным господином, да еще, судя по всему, обладающим большими деньгами. Как раз, одного поля ягода с Комаровским, только классом повыше. Одним словом, он как нельзя лучше вписывается в этот сценарий. Конечно, Северцев сам-то ни кого не убивал, по крайней мере, в этот раз. Но легко мог нанять кого-то провернуть, какие-нибудь темные дела. Другой вопрос, что это за дела? Возможно, у него были какие-то счеты с Комаровским. К примеру, тот его кинул. В общем, эта версия вполне имела право на существование. И не просто на существование, а вполне могла быть перспективной.

Андреева Ольга Сергеевна. Сорок лет. Родилась в Москве. Разведена. Замужем была дважды. От каждого брака по два ребенка. Первый муж, Андреев Олег Павлович, как и она сама, художник. В браке прожили семь лет. Второй муж Дивинский Григорий Петрович. По образованию инженер-электронщик. В настоящее время без определенного места работы. Брак продлился, ой, не может быть! Тоже семь лет. Вероятно, Ольга Сергеевна считает, что мужики после семи лет совместной жизни приходят в полную негодность и нужно от них срочно избавляться, злобно пошутил про себя Прохоров. Хотя, в принципе, Ольга Сергеевна была ему даже симпатична, но это обстоятельство, никак не влияло, на то, что она может быть не так невинна, как пытается это представить. Вполне возможно, она и сама во все это дело очень даже замешана, а не просто случайный свидетель.

Дети, мужья. Работа. Вот! Вот он голубчик нарисовался. Господин Северцев, собственной персоной.

Материал взят из интернета. Прохоров велел собрать все, что известно. И уделить особое внимание, не пересекались ли госпожа Андреева и господин Северцев до момента продажи дома. Пересекались. И еще как!

На распечатке, статьи почти пятилетней давности, из интернет-новостей, то бишь мусорборника грязных сплетен и вранья, по твердому убеждению Прохорова, присутствовало фото. А уж фото, это не просто сплетни и домыслы, любителей пустить какой-нибудь гадкий слухок, это факт. Светское мероприятие. Мужчины во фраках, мать твою за ногу, женщины в вечерних

платьях, какие обычные люди, «из простонародья», наблюдают только в журналах или по телевизору. Распечатка черно белая, но и так понятно, что мероприятие для богатеньких, не какой-нибудь корпоративчик или пьянка в занюханной кафешке. Нет. Мраморные колонны, зал, как во дворце. И вот, среди этих богатых и благополучных, присутствующих на вечере, под ручку с типом, самой, что ни на есть бандитской наружности, стоит Ольга Сергеевна. Сказочно хороша и прекрасна в красивом длинном платье. У типа, который, вероятно и есть тот самый Северцев, тяжелая квадратная челюсть, взгляд людоеда и, весьма, обезьяноподобное лицо. «Что у них общего-то, интересно?» – раздраженно подумал Прохоров, глядя на утонченную интеллигентную Ольгу Сергеевну. «Прямо красавица и чудовище или барышня и хулиган».

«На благотворительном мероприятии, посвященном сбору средств для детей-сирот, присутствовали такие небезызвестные личности как...» Прохоров пропустил перечень не интересовавших его небезызвестных личностей, посещающих подобные мероприятия. «...Среди гостей был скандально известный бизнесмен Северцев. Господин Северцев, не устает радовать нас своими «подвигами»...» Далее автор статьи просмаковал, явно не без удовольствия, несколько наиболее запомнившихся «подвигов» Северцева. Прохоров быстро пробежал глазами сведения о том, что именно и на каких мероприятиях учудил любитель «пошалить». Наконец, автор снова вернулся к интересующему Прохорова благотворительному вечеру. «В этот раз Северцев удивил не только безупречным поведением. Дама, сопровождавшая бизнесмена, также не похожа на его привычных спутниц. Может быть, проказник и известный повеса, наконец, встретил ту самую? Сумеет ли очаровательная спутница известного хулигана, заставить его остепениться?» Дальше шла еще пара абзацев подобной же чуши. Видимо, любителей чужого грязного белья в сети хватало. Для кого-то же это писалось.

Прохоров еще раз взглянул на фото. Да уж, учудила милая хозяйка шикарного дома. Более не соответствующую пару трудно и представить, даже если очень постараться.

Больше никаких свидетельств «прилюдного общения» Ольги Сергеевны Андреевой и бизнесмена, а скорее бандита Северцева в СМИ не было. Но факт был установлен. Связь есть. По крайней мере, была и весьма тесная. Посторонние дяденьки и тетеньки под ручку, тесно прижавшись и нежно улыбаясь друг другу, не стоят.

А вот и он. Нарушитель спокойствия, предполагаемый бандит и, по совместительству, близкий приятель Ольги Сергеевны. Северцев Игорь Афанасьевич. 46 лет. Родился в г. Саратове. Из неблагополучной семьи. Отец осужден за разбой, умер в тюрьме, когда Игорю Северцеву было пять лет. Мать несколько раз привлекалась за проституцию и за мелкие правонарушения. Когда сыну было двенадцать, ее лишили родительских прав. Игорь Северцев с раннего детства шел по «наклонной», что и неудивительно при таких родителях. Куча приводов по малолетке. В 11 лет поставлен на учет в детской комнате милиции. В 12 лет отправлен в детдом. Там тоже не был пай мальчиком – драки, кражи, порча имущества. Два раза убегал. В четырнадцать, загремел на зону для несовершеннолетних – порезал детдомовца и одного из воспитателей. В общем, чудный ребенок. Дальше, до двадцати трех лет то зона, то в розыске. Романтика. В двадцать три, неожиданный поворот. Поступил в институт, на заочный. Вроде как взялся за ум. Закончил, чуть ли не с отличием. Закон больше не нарушал, или нарушал, но и впрямь поумнел и больше не попадался. Организовал маленький бизнес. К моменту окончания института, к тридцати годам, Северцев уже вполне состоятельный респектабельный господин. Маленький уголовник, превратился в бизнесмена, ворочающего большими деньгами. А потом год от года бизнес Северцева набирает обороты. Уже какие-то заоблачные цифры. Случались иногда скандалы и пара арестов за вождение в нетрезвом виде. Но все как-то быстренько улаживалось, сходило с рук. Деньги, как догадывался Прохоров, делали свое дело. Бесчисленные любовные романы, освещаемые в желтой прессе со всеми подробностями. Северцев еще тот ходок. Каждый раз новая баба. Прямо неутомимый герой-любовник, ухмыльнулся Прохоров. После сорока он уже достиг таких высот, что так и не достанешь. Не олигарх, конечно,

но вполне себе богатенький господин. Собственные предприятия, магазины, какие-то шарашкины конторы, занимающиеся непонятно чем, наверняка прикрытые для незаконного бизнеса.

С вопросом законности деятельности бизнесмена все время какая-то загвоздка. Множество слухов, догадок. Власти под него копают, но прямых доказательств нет. Всем ясно, что он самый настоящий бандит, но ничего конкретного ему предъявить не могут. Один журналист вел собственное расследование. Утверждал, что Северцев у него на крючке, осталось только кое что проверить. И вдруг журналист пропал. Не совсем пропал. Всего на три дня. Но факт остается фактом – человек не предупредил ни жену, ни коллег и на три дня исчез. Когда вернулся, на все вопросы о своем отсутствии отвечал, что ездил с друзьями. На лыжах катался, а предупредить об отъезде забыл. Чушь, конечно полная, но он твердил свое и все тут. А когда речь зашла о его расследовании, заявил, что ошибся. Информация, которая у него до этого имелась, оказалась недостоверной. Дальше шли материалы многочисленных официальных проверок, проводимых государственными службами в отношении господина Северцева. Бились чиновники впустую. А может и не впустую. Может, Северцев платил им. Но четыре года назад на него наехали серьезно. Он еще немного покувыркался, а потом решил не лезть на рожон и рванул за границу. Судя по всему, очень вовремя. Еще чуть-чуть и не только капиталов бы своих лишился, но и сел бы очень надолго. Вот такой тип, этот приятель художницы Андреевой, милой во всех отношениях дамы.

Часть денег, правда, осталась в России. Но основной капитал Северцев успел перевести в иностранные банки. В России осталась, так же, кое-какая собственность, которую Северцев не успел продать. Две квартиры в Москве и дом в Хороводово. Вскоре после отъезда за рубеж, Северцев оформил документы на дом. Договор, по которому он сдавал дом сроком на один год Андреевой Ольге Сергеевне, а по истечении срока аренды, дом переходил в ее собственность. Прохоров утащил на лежащие перед ним бумаги. Держание под ручку это, конечно, свидетельство каких-то достаточно близких отношений. Даме можно подарить серьги или там колечко. Некоторые даже машину дарят. Но дом! Это как-то уж слишком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.